

Длинный лимузин плавно въехал в роскошные кованые ворота виллы семьи Цзин. Шины прошелестели по извилистой частной дорожке, проложенной через безупречно подстриженный газон, и автомобиль замер перед освещенным парадным входом главного дома.

Слуга беззвучно распахнул дверцу.

Цзин Мяои вышла первой. Пятно от красного вина на её рубашке всё ещё резало глаз, но она не обращала на него никакого внимания, словно это была лишь незначительная деталь гардероба. Стоя у машины, она слегка повернулась и протянула руку в салон.

На её ладонь легла маленькая изящная ручка.

Гу Чуюй, опираясь на руку Цзин Мяои, выбралась наружу. Она по-прежнему куталась в просторный пиджак, из-под которого виднелось лишь её миловидное, исполненное невинности личико. Ночной воздух был прохладен, и девушка инстинктивно вжалась в пиджак, вдыхая исходящий от него чистый, холодный аромат Цзин Мяои.

Это ощущение полной защищенности превратило её тайную радость от удавшейся шалости в нечто более глубокое и невыразимое.

Дядя Чэнь уже ждал на крыльце.

Ему было около шестидесяти, волосы уложены волосок к волоску, а безупречный фрак не имел ни единой складки. Когда он заметил пятно на рубашке Цзин Мяои, в его спокойных глазах на мгновение промелькнуло удивление, но он тут же вернул себе привычное выражение почтительности.

— Госпожа, госпожа Гу, — он слегка поклонился, его голос звучал ровно и мягко. — Горячая вода готова. Нужно ли подготовить вам сменную одежду?

Его взгляд, полный едва уловимой заботы, был прикован к Цзин Мяои.

— Да, — сухо ответила та. Она отпустила руку Гу Чуюй и направилась в дом, сохраняя прежнюю невозмутимость, словно устроенный на банкете скандал был лишь пустяковым эпизодом.

Гу Чуюй, шаркая слишком большими для неё туфлями на каблуках, поспешила следом, напоминая маленького хвостика.

Войдя в гостиную, просторную, как бальный зал, Гу Чуюй сбросила туфли и босиком побежала к огромному мягкому дивану. Она с размаху бросилась на него, утопая в подушках, и издала довольный вздох.

Здесь всё-таки лучше всего.

Цзин Мяои уже подошла к лестнице, собираясь подняться наверх, чтобы привести себя в порядок.

В этот момент с дивана донеслось мягкое, обиженное бормотание:

— Мяои, еда на банкете была совсем невкусная. Я не наелась, я сейчас такая голодная...

Цзин Мяои остановилась.

Дядя Чэнь, следовавший за ними, с выражением смирения на лице подумал: «Ну конечно». Он слишком хорошо знал этот сценарий: сначала госпожа Гу устраивает небольшую неприятность, чтобы проверить свою значимость для хозяйки, а затем выдвигает требования, которые со стороны кажутся почти абсурдными.

А его госпожа...

Дядя Чэнь перевел взгляд на высокую холодную фигуру у лестницы.

Цзин Мяои обернулась и посмотрела на девушку, которая казалась совсем крошечной в глубине дивана. В её прозрачных, холодных глазах отражались блики хрустальной люстры, из-за чего невозможно было угадать, что у неё на душе.

— Чего ты хочешь? — спросила она. В её голосе не было ни гнева, ни радости.

Гу Чуюй, свернувшись калачиком, захлопала своими большими глазами, делая вид, что о чём-то серьезно размышляет. Через несколько секунд её лицо просияло, и она с воодушевлением заявила:

— Я хочу вон те пельмени из лавки Старого Вана на западе города! Те, что открываются только глубокой ночью!

В гостиной воцарилась тишина.

Даже стоявшие поблизости слуги невольно затаили дыхание. Кто же не знал о патологической брезгливости госпожи Цзин? Она не то что уличную еду — даже кухню пятизвездочного отеля проверяла по самым жестким санитарным стандартам. Поехать в такую дымную, людную уличную забегаловку... Это звучало как нечто из области фантастики.

Дядя Чэнь сделал шаг вперед, собираясь сказать: «Я съезжу», или хотя бы предложить

отправить водителя.

Но прежде чем он успел открыть рот, Цзин Мяои уже смотрела на полное ожидания лицо Гу Чуюй. В её взгляде читалась глубокая, непонятная другим задумчивость.

Секунды тишины тянулись бесконечно. Когда Гу Чуюй уже решила, что зашла слишком далеко и сейчас получит отказ, Цзин Мяои молча развернулась и направилась к выходу.

Она не отдала никаких распоряжений и даже не взглянула на дядю Чэня. Просто подошла к прихожей и сняла с вешалки ключи от машины.

— Эй? Госпожа, вы... — не выдержал дядя Чэнь.

Цзин Мяои не замедлила шага, бросив лишь холодное:

— Присмотри за ней, чтобы не бегала.

Не успела она договорить, как её стройная фигура растворилась в ночной темноте за порогом. Вскоре послышался низкий рокот двигателя, который быстро стих вдаль.

Гу Чуюй, перегнувшись через спинку дивана, смотрела вслед ушедшей Цзин Мяои, и уголки её губ невольно поползли вверх. Она так и знала! Мяои никогда не злится на неё по-настоящему и всегда исполняет её прихоти. Смотрите, даже на такую нелепую просьбу она согласилась.

Дядя Чэнь махнул остальным слугам, чтобы те ушли. Подойдя к дивану, он посмотрел на Гу Чуюй, которая выглядела как кошка, полакомившаяся сливками, и беспомощно покачал головой с отеческой снисходительностью.

— Госпожа Гу, — с легким укором произнес он, — вы ведь знаете, как госпожа к этому относится... Зачем было заставлять её ехать самой?

Гу Чуюй надула губы, обняла мягкую подушку и пробормотала в свое оправдание:

— Но... если их покупает кто-то другой, вкус совсем не тот.

Дядя Чэнь вздохнул про себя. Вкус тут ни при чем — ей нужно было лишь подтверждение того, что для неё готовы сделать исключение.

Он вспомнил множество подобных случаев. Когда Гу Чуюй в детстве болела и жаловалась на горькие лекарства, госпожа бросала многомиллионные сделки, чтобы объездить весь город в поисках редкого меда. Когда она вскользь упоминала, что хотела бы увидеть какую-нибудь

антикварную книгу, госпожа задействовала все свои связи и тратила огромные деньги на аукционах, лишь бы увидеть улыбку на её лице.

А сколько раз она устраивала истерики, разбивала чашки, рвала документы или, как сегодня, специально пачкала одежду... Госпожа никогда не выходила из себя. Максимум — смотрела на неё этим глубоким, нечитаемым взглядом, а затем молча разгребала последствия и продолжала исполнять её желания.

А эти пельмени... Дядя Чэнь прекрасно помнил, что из-за детских травм у госпожи развилась болезненная тяга к чистоте. Она никогда не ела вне дома, особенно в таких местах. Однажды деловой партнер попытался пригласить её в уличный ресторанчик, так она даже не вышла из машины — просто велела водителю развернуться, и сделка сорвалась.

Но ради госпожи Гу она раз за разом нарушала свои принципы. Это вызывало трепет даже у него, стороннего наблюдателя.

Цзин Мяои вернулась быстрее, чем ожидалось. Меньше чем через сорок минут в прихожей снова слышались звуки.

Гу Чуюй тут же выпрямилась на диване, её глаза засияли.

Вошла Цзин Мяои, держа в руках дешевый пластиковый контейнер, который совершенно не вписывался в роскошную обстановку. На ней всё ещё была та самая испачканная вином рубашка, поверх которой она накинула черный кашемировый кардиган. Она выглядела холодной и в то же время — какой-то уставшей, припорошенной дорожной пылью.

Ничего не выражая, она подошла к дивану и поставила дымящиеся пельмени на кофейный столик перед Гу Чуюй.

— Ешь, — сказала она ровно.

Затем, даже не взглянув на девушку, она направилась напрямик в ванную на первом этаже.

Дядя Чэнь заметил, что её рука, не занятая контейнером, едва заметно сжалась в кулак, словно она сдерживала какой-то порыв. За дверью ванной вскоре послышался шум воды. Раз за разом.

Дядя Чэнь отвел взгляд, всё понимая. Это было не просто мытье рук — это был почти инстинктивный психологический ритуал очищения после контакта с чем-то «нечистым».

Гу Чуюй не заметила этих деталей. Всё её внимание было приковано к горячим пельменям. Она нетерпеливо открыла крышку, и по комнате разлился аппетитный аромат. Пельмени были сочными, в прозрачном бульоне плавали зеленый лук и капельки масла — выглядело очень

заманчиво.

Она взяла ложку, осторожно зачерпнула один, подула и с блаженством отправила в рот.

— М-м, именно тот вкус! — она зажмурилась от удовольствия. — Дядя Чэнь, смотрите, только те, что купила Мяои, самые вкусные!

Потому что ради неё она переступила через себя. В этой еде было нечто гораздо более ценное, чем приправы.

Дядя Чэнь стоял в стороне и смотрел, как Гу Чуюй с аппетитом ест, и на его лице появилась мягкая улыбка. Он больше ничего не сказал. Некоторые вещи видны со стороны, но если участники счастливы, этого достаточно.

Гу Чуюй доела всю порцию, выпив даже бульон до последней капли. Она сыто откинулась на спинку дивана, поглаживая свой слегка округлившийся животик, и почувствовала, как по телу разливается тепло.

Только тогда она вспомнила о Цзин Мяои.

Девушка на цыпочках подошла к двери кабинета. Та была приоткрыта.

Она заглянула в щель.

Цзин Мяои уже переделась в чистую темно-синюю шелковую рубашку и сидела за столом перед открытым ноутбуком, где шло международное совещание. Она была в наушниках, изредка обмениваясь короткими фразами на беглом английском. Её вид был сосредоточенным и строгим, словно та женщина, что только что стояла в грязной уличной лавке, была не ею.

Но взгляд Гу Чуюй упал на руку, лежавшую на столе.

Белоснежная, с тонкими пальцами, рука держала антисептическую салфетку. Цзин Мяои снова и снова, до мельчайших деталей протирала каждый палец, не пропуская ни миллиметра кожи. Её движения были элегантны и естественны, будто это была лишь бессознательная привычка во время паузы в совещании.

Гу Чуюй замерла. Она вдруг вспомнила: у Мяои ведь серьезная брезгливость. Так значит, тогда, в той дымной, шумной забегаловке...

Смесь горечи и сладости, словно тонкие лианы, обвила сердце Гу Чуюй.

Цзин Мяои, казалось, почувствовала взгляд из-за двери. Она на мгновение замерла, а затем её холодный взгляд метнулся к выходу.

Гу Чуюй, как испуганный кролик, резко отпрянула, прижавшись спиной к холодной стене, и её сердце забилось в бешеном ритме.

В кабинете совещание продолжалось. Цзин Мяои, не моргнув глазом, сказала в микрофон: «Пожалуйста, продолжайте», будто этот взгляд был случайным. Она вернулась к экрану, но рука, державшая салфетку, медленно сжалась. Салфетка скомкалась, и она снайперски отправила её в корзину в углу стола.

Глядя на графики на экране, она невольно вспомнила ту лавку. Жирная плита, шум, воздух, пропитанный запахом еды... Каждая секунда там вызывала у неё дискомфорт.

Но когда продавец протянул ей пакет и с улыбкой сказал: «Для своей девушки берете? Поздно же, а вы специально приехали, какая забота» — она вдруг поняла, что это заблуждение её совсем не тяготит.

Более того, в тот момент её одержимость и желание обладать пересилили физическое отвращение.

Разве это имеет значение, если это ради Гу Чуюй?

Её границы уже давно были отодвинуты ради этой избалованной маленькой принцессы.

В гостиной Гу Чуюй медленно сползла на ковер, обхватив колени руками и спрятав горящие щеки в сгибе локтей. На кончике носа, казалось, всё ещё держался холодный аромат того пиджака, смешанный с теплым запахом пельменей.

Это чувство — быть бесконечно любимой, быть единственной ценностью в чьей-то жизни...

Это так хорошо.

Она подумала: так хорошо, что хочется просить еще. И еще.

<http://bllate.org/book/19581/1920139>